

Татьяна Иванько

**МилЛЕниум. Повесть
о настоящем. Том 3**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

МилЛениум. Повесть о настоящем. Том 3 / Иванько Т. В.; худ.
Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 246 с.

ISBN 978-5-532-95884-5

Герои становятся старше, ещё сложнее запутывая нити взаимоотношений. Отцы и дети, кто возьмёт на себя ответственность, кто откажется от неё, кто продолжит любить несмотря ни на что. Всё сложнее сохранять чистоту душ и намерений. Испытания, опасности, ложь и правда. Все справятся с испытаниями, кто сдастся? Ложь затягивает в свою тёмную воронку, как чёрную дыру, меняя реальность переворачивая всё с ног на голову. Герои, считавшие, что счастье наконец вернулось к ним, вновь оказываются разлучены и разведены на сей раз ещё дальше. Но что может держать их вдали друг от друга? Похоже, такой силы не существует. Стерх оказывается в прицеле и бандитов и спецслужб, но на линии огня он теперь не один... Что и кто спасёт его? И как станут строиться взаимоотношения всех героев дальше. В самый, казалось бы, светлый и радостный период своей жизни герои сталкиваются с нападением таких врагов, каких они ещё не встречали. И чем кончится для всех это происшествие?..

ISBN 978-5-532-95884-5

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 11	4
Глава 1. Лыдинки	4
Глава 2. Тяжесть	14
Глава 3. Ветер	24
Часть 12	34
Глава 1. Рядом	34
Глава 2. Плащ Казановы	52
Глава 3. «Поздно, Дубровский...»	70
Глава 4. Смех	83
Глава 5. Крылья Смерти подняли вихрь	90
Часть 13	101
Глава 1. Отлив	101
Глава 2. Верю	111
Глава 3. Свобода	119
Глава 4. Всесильный	134
Глава 5. «Лучше грешным быть, чем грешным слыть»...	143
Часть 14	155
Глава 1. Струи воды	155
Глава 2. Пусть станет больно...	168
Глава 3. Будни	182
Глава 4. Переговоры	193
Часть 15	207
Глава 1. День рождения номер двадцать шесть	207
Глава 2. А день всё тот же...	224
Глава 3. Мой сын	237

Часть 11

Глава 1. Льдинки

Алёша, по-прежнему потерянный, ушёл в свой Склиф, а я набрал номер Наташи, она в это время уже на работе. Я не звонил несколько дней, я был в Н-ске неделю назад. Наташа ответила сразу. Приняла поздравления, поздравила и меня тоже с нашим с ней общим праздником, а потом сказала, помолчав несколько секунд, и чуть приглушив голос:

– Ты... Кирилл, ты не приезжай... не приезжай, как собирался...

– Что случилось? – мне стало не по себе от её странного голоса и холодных слов.

– Ничего. Всё вернулось на круги своя. Не волнуйся, тебе не надо уже жениться на мне.

У меня похолодело под сердцем:

– Наташа... что ты сделала? – спросил я, осипнув.

– Сделала. Так что живи как жил.

– Зачем ты так, Наташа?

– Пока, Кирилл, Алёше я позвоню ещё...

Вот так, захлопнула дверь перед моим носом... Я не обольщался. Не думал, что мы можем быть по-настоящему счастливы или близки с Наташей, мы никогда особенно не сближались, слишком разные по темпераменту, взглядам, устремлениям, предпочтениям в самых мелких вещах, нам с ней трудно было ужиться даже, когда нам было едва за двадцать, что уж говорить про теперешние годы...

Но ребёнок... Наташа... Всё же не выдержала возможного провинциального осуждения или вовсе не хотела его сразу? Или... Ах, Наташа... Как плохо стало на душе... как славно всё было несколько часов назад, когда мы втроём сидели за столом и угощались тортом, специально заказанным мной для сегодняшнего утра! Как счастлив я был видеть двух самых дорогих для меня на свете людей, моего сына и ЕЁ, Лёлю... быть с ними, радоваться тому, что

им вновь хорошо со мной. Что всё прощено, но ничего не забыто, не опущено, «все видят»... Ах, Наташа...

Что теперь будет с Алёшей и Лёлей, только бы он не натворил глупостей, не признался бы только! Кто это простит из женщин... тем более жена... Если она уйдёт опять... Что я стану делать, если они опять разойдутся?!..

Диагностические выскабливания я сделала безупречно, дай Бог, чтобы у этих женщин не оказалось каких-нибудь тяжёлых диагнозов вроде рака. Гистероскопию на новом эндоскопе тоже провела на «отлично», что называется, но это уже не в первый раз.

Следующая пациентка вошла как раз, когда из смотровой вышла даже акушерка. Мне показалась странно знакомой эта девушка, но только первые пару минут я не узнавала её, потом воспоминания встрепенулись в моей голове – это же та самая девушка, немного рыхлая красивая блондинка, что так нахально вешалась на Лёню когда-то возле Склифа.

Что она... на аборт пришла?..

– Фамилия ваша? – спросила я.

– Нарышкина, Ольга Викторовна. Я ... это же вы... – вот чёрт, узнала меня... – вы жена Алексея... Моего Лёши!

– Вашего?! – я задохнулась от возмущения и от того как болезненно сжалась моя душа от этих слов: «моего Лёши»...

– Отпустите его! – вдруг вылупив большие белёсые глаза, запричитала девушка, называющая Лёню «мой Лёша». – Он из-за вас меня на аборт заставил идти! А я его люблю и он меня любит, он просто думает, вы узнаете и опять с его отцом станете... ну... крутить...

Меня затошнило, ударило будто в голову: «крутить»... Лёня рассказывает об ЭТОМ ей, этой девушке?! Это предполагает серьёзные отношения... Очень серьёзные, чтобы Лёня мог такое рассказать, то, чего даже друзьям не говорил...

– Вы такая красивая, вы, наверное, добрая, отпустите Лёшу, я ему сыночка рожу... Не заставляйте его... Ему так стыдно, он страдает из-за того, что вы и Кирилл Иванович...

Боже мой... да замолчишь ты...

– Он хороший, он меня так любит. Он говорил, что у нас всё будет, только он вас не хотел... ну, обидеть... Отпустите Лёшу! Ему со мной будет лучше. С вами он стыдится, что вы с его отцом, не может вам сказать, а сам... он только об этом и думает, как вы унижали его... Не спит ночами...

Боже мой, сжался, убей меня сейчас... жаль, что не убил раньше, пока я не слышал ещё всего этого...

Я постаралась начать говорить:

– Вы... Ольга Викторовна, вы идите. Аборт не надо делать, вообще... не волнуйтесь... Ребёнка Алексей всегда хотел, – я встала из-за стола. – Вы идите, на учёт встаньте по беременности, наблюдаться надо. И про аборты больше не говорите, малыш всё слышит...

– Елена Николаевна!.. – она хлопает большими ресницами.

– Идите...

– Вы добрая! Спасибо вам! – улыбается, зубы толстые...

Наконец-то её вынесло из кабинета, не успела я перевести дух, вообще вернуться к реальности, как вошла моя преподаватель:

– Что это женщина шарахнулась? Передумала аборт делать?

– Передумала, – сказала я. – И я, Анна Романовна, передумала... вернее и не думала... Я не буду делать этого. Никогда. Считаете это непрофессиональным, выгоняйте. Я могу и буду делать всё, но ЭТО я делать отказываюсь.

Анна Романовна прищурила чёрные глаза:

– Что это ещё?!

Я стою, думая о том, как бы мне поскорее вырваться отсюда, скорее, на воздух, я задыхаюсь... «Я Лёше сыночка рожу»... «Ему так стыдно»... «Отпустите Лёшу»... А Анна Романовна ещё спрашивает, почему я отказываюсь убивать детей, вот «Лёшиного», например...

– Хорошо подумала?

– Очень хорошо подумала, – я смело встретила её взгляд, подняв голову.

Она ещё несколько мгновений сверлила меня взглядом, но не злым, не раздражённым, а чуть ли не гордым и восхищённым?.. Анна Романовна, отпустите, на воздух, ради Бога...

– Насчёт «всё могу», ты не зарывайся, Легостаева, Елена Николаевна, – она нарочито отчётливо проговорила мои имя и отчество, – ты ещё только начинаешь превращаться во врача, только окукливаешься, а выйдет ли из кокона бабочка с прекрасными крыльями, мы ещё посмотрим... – в уголках глаз брызнуло что-то, как лучики улыбки. – Тэк-с... Иди сейчас домой. Подумай пару дней. Надумаешь работать, придёшь. Сейчас ничего не говори. Иди.

– Я...

– ИДИ! – почти рыкнула Анна Романовна, длиннорукая, похожая на мясника моя неутомимая и всегда жизнерадостная куратор, впервые сделавшаяся такой строгой.

Но сейчас я не думаю о том, что, возможно прикончила свою карьеру, я думаю о том, что я смогла настоять на своём в этом деле.

О Лёне я не могу думать. Мне так больно, что это выше моих сил сейчас думать о нём, о том, что я нарисовала себе несуществующий мир и в нём пребывала... Господи, ты делаешь нас слепыми и глухими, когда хочешь наказать... Ведь я видела же её, много раз видела у Скифа... а эти звонки... Лёня... как ты жил-то в этом аду?

Жить на две половины, ничего хуже нет. Как ты это вытерпел? На аборт послал девочку, этакий грех на душу берёшь, ради чего, Лёня... нет, не могу, не сейчас, не могу...

Я вошла в квартиру, рассчитывая никого не застать. Но Кирилл оказался дома. Я это поняла не сразу. Я, босая, не чувствуя ступнями холодного пола, прошла в нашу с Лёней комнату. Нашу... что теперь может быть «наше»...

Кирилл заглянул в открытую дверь:

– Ты почему вернулась? Не заболела?

– Кирюша... – выдохнула она, будто с облегчением, – ты дома? – я так рада видеть его, его добрый взгляд, обеспокоенный, искрящийся. Хотя бы что-то не изменилось пока в этом мире...

Лёля выглядит странно, бледная и рассеянная, смотрит, как будто соскучилась... не так как всё последнее время, когда за Алёшей она вовсе не видела меня, а тут подошла ко мне и обняла:

– Как хорошо, что ты дома, – она положила голову мне на грудь под шею, макушкой под подбородок, босиком она сразу значительно меньше меня... – как же хорошо, что ты есть, Кириуша, милый...

Она подняла лицо, продолжая прижиматься ко мне:

– Ты ещё любишь меня? Или всё похоронил? – она смотрит на меня тёмно-синими блестящими глазами.

– Ты уверена, что хочешь это знать? – улыбнулся я.

Что толкает её сейчас в мои объятия? Про Алёшкины шашни узнала? Что дальше будет?... а не всё ли равно?!

– Знать?... Я хочу почувствовать это! – её рука, всегда такая... как прикосновение воздуха, прохладной воды в жару... едва касается, будто она кончиками пальцев, ладонью хочет почувствовать, словно увидеть моё лицо... – Я так тебя люблю! Ты это знаешь?... Нет, подожди... послушай! Я не знаю, как это происходило и продолжает происходить, почему это происходит, что за обратная сторона Луны, моя любовь к тебе... Я тебя люблю с того дня, как... помнишь, мы встретились в Н-ске летом?... даже, если ты не помнишь, это не имеет значения, помню я и буду помнить... с того дня я не могла не думать о тебе и не понимать, что хочу тебя... Я всегда, с первого мига стыдилась и бежала от этого, но всегда желала того, что было после. Всегда буду тебя любить! Ты меня прости...

– Простить? За что? – я коснулся ладонью её волос, её лица.

– За то, каким это стало несчастьем для тебя – меня любить.

Ну нет, это совсем не так Лёля!

– Нет, милая, это всегда было счастье. Без тебя я никогда не узнал бы его... С того самого летнего дня... Я помню всё, что тогда было. Что я чувствовал, что я чувствовал от тебя... Почему ты говоришь сейчас всё это? Что случилось? Что с тобой?

Она мотнула головой, волосы качнулись на мою руку. Не хочет сказать.

– Расскажи мне... – надо, чтобы сказала, сама сказала, я не должен показать, что знаю что-то... Ей будет ещё больнее. А ей сейчас больно, я чувствую, чувствую её боль, чувствую сильнее, чем свою...

– Рассказать?... Я отказалась делать аборт. Сегодня и всегда. Теперь меня, возможно, выкинут из ординатуры, – она отпустила меня из своих рук, от своего тела, но не от себя... Не отпускай меня от себя никогда, Лёля.

– Не надо так огорчаться. Никто не тронет тебя. А выгонят, на дерматологию пойдёшь, там абORTов делать не надо.

Он улыбается. Какой ты всё же славный человек... Я снова обняла его.

– Спасибо тебе, Кирюша, милый... Ты... ты сейчас не... я хочу побыть одна. Ладно?

Я подошёл к двери, да...да, я сейчас уйду. Но... кому ещё я могу сказать, если не тебе...

– Наташа избавилась... избавилась от... от нашего ребёнка, – сказал я, обернувшись.

Лёля нахмурилась, бледнея, смотрит на меня:

– Господи... ты... тебе больно? От этого больно?

– Больно?... Нет, пожалуй... Но... Когда я думаю, что и Алёши могло не быть... так же могло не быть...

Мы смотрим друг на друга. Это ещё одна тайна, которая объединяет нас... что до остальных, они раскрыты, но не перестают притягивать, связывать нас друг с другом.

– Не надо, Кирюша, ты не терзайся.

– «Не терзайся»... – вздохнул я. – Я так привык не терзаться. Я привык жить легко... – говорю я, чувствуя ком в груди.

– И, слава Богу, хоть кто-то по-настоящему лёгкий человек... Светлый, – она так улыбается, право, развеиваются тучи с сердца.

«Светлый человек», спасибо тебе, Лёля... И болезненный ком сразу пропал. Наверное, ты, правда, любишь меня. Кто ещё меня так любит?..

Она села к столу. Расстроена, девочка. Я подошёл к ней, сжал плечи ладонями, мне хочется согреть, защитить её, и её тучи развеять. Но как? Что тебя тревожит, что мучит? Почему ты не хочешь сказать? Узнала об Алёше? Скажи, и я смогу успокоить тебя! Скажи, я не могу сказать сам!

– Я... я завтра буду дома. Мне сказали, пока не приходить...

– Даже так?

– Да... но... может это я не права?

– Нет, я так не думаю, не думаю, что ты не права.

Нет, расстроена из-за работы, из-за учёбы, понять легко. И всё же, почему мне кажется, что это не всё, не вся правда? Я чувствую в ней трещину и она увеличивается... завтра будет дома... это хорошо, может быть завтра скажет...

Я наклонился, чтобы поцеловать её, но она остановила меня, накрыв ладонью моё лицо, мои губы, но наклонилась к руке, лежащей на её плече, прижав на мгновение щеку. Тепло и тихо. И так, как касаются того, кто по-настоящему близок и дорог. Тысяч разнообразных чужих поцелуев стоит это прикосновение...

Я спешил домой. Будто чувствуя, что что-то происходит снова, снова начала шататься и рушиться моя жизнь. Отец был дома, когда я вошёл.

– Ты рано, что стряслось? – он вышел в переднюю.

– Стряслось?.. Лёля... не приходила ещё?

– Давно уже. В «гараж» ваш ушла, сказала, ваши придут, юбилей твой отмечать. Ты что? – он вглядывается в меня. – Что с тобой? Бежал всю дорогу, что ли?

Алёша сел на большой пуфик в прихожей, опустив руки.

– Не знаю... В «гараж», значит. Ты... пап... Нет, ладно... – он посмотрел на меня, – завтра увидимся.

И ушёл. Такой же бледный и встревоженный. Всё же, как они чувствуют друг друга. Даже на расстоянии...

Я бегу, теперь в «гараж». Мне действительно кажется, что я опаздываю, что я не успею, не застану её и упущу. Почему? Из-за этого пришедшего в мою жизнь кошмара, ведь если кошмар в моей жизни, то и в её... у нас одна на двоих жизнь.

Надо сказать, надо сказать всё и решить, как поступить, как быть дальше.

Я вошёл в незапертую дверь.

– Кто там? Кирюша, ты? Ты чего?..